

Итоги литературного конкурса «Под небом Балтики»

Завершился второй интернет-конкурс русской поэзии «Под небом Балтики». Представляем поэтов-победителей поэтического турнира 2009 года:

I премия — ВЛАДИСЛАВ ПЕНКОВ (Эстония)

II премия — ВЛАДИМИР СОЛЯР (Латвия)

III премия — ИРИНА АНАЩЕНКОВА (Эстония)

Дипломами конкурса удостоены ещё пять авторов:

АЛЛА БАРЛИНОВА (Эстония)

ГЕННАДИЙ МИХЛИН (Финляндия)

ИЛАНА ЭССЕ (Литва)

За избранные стихотворения:

ТАТЬЯНА РУСКУЛЕ (Латвия) «Иду по улицам...»

СВЕТЛАНА СЕМЁНОВА (Латвия) «Где музыка живёт?!»

ВЛАДИСЛАВ ПЕНКОВ

* * *

Раз ничей, то понятно, что лишней,
если смертный, то, значит, ничей.
Папирос раскалённые вишни.
Загорелые руки врачей.
Смерть прикинулась шуткой серьёзной
и читает каталог грехов,
поминает ужимки и позы,
воспалённые розы стихов,
отрицание всяческой меры
и другое — читает с листа.
И не пахнет ни Раем, ни серой
приоткрытая нам пустота;
мы носили базарные маски,
мы глодали бессмыслицы хлеб,
и грошовую свечкою ласки
освещали отчаянья хлев,
а теперь нам по праву достались:
одеяла казённый свинец,
пропитавшая душу усталость,
одиночества чёрный венец.
Мы привыкнем — иного не будет,

но живительных жаль мелочей:
незабудок на старой посуде,
снисходительных шуток врачей.

Впервые

Мне не уснуть... Аттической пчелою
в иссиня-чёрном мареве волос
запуталась луна и жжёт осою
чинарик «Ту», целуемый взасос...
Уже по вкусу дым, как стекловата...
В ногах твоих посапывает кот.
Он видит острым глазом азиата:
дыхания мерцает рококо.
...так жизнь моя — узорчиком нелепым,
случайным вдохом-выдохом... и всё.
...так рушится божественное небо
легчайшими снежинками Басё.

La belle époque

(Прекрасная эпоха)

Как мирный гражданин, скончался век
под перебранку хмурую собак.
И яркий свет полуночных кафе
не мог рассеять полумёртвый мрак,
где кислою овчиной снег лежал
и нёс куда-то маленький прохожий
своё лицо, как золотой кинжал;
на ангела тщедушного похожий,
он не боялся больше ничего,
ну разве что собак, готовых драться.
Прекрасная эпоха. Первый год
косых крестов, образовавших ХХ.
.....

Не надо обязательного счастья.
Достаточно сияющего горя
и двух теней сокрытого участия,
Балтийского простуженного моря,
чтоб справедливо, просто и жестоко
стихи писались, ангелы витали, —
достаточно Иванова и Блока,
отчаянья-огарочка печали.

ВЛАДИМИР СОЛЯР

Музыка февраля

Она жила,
Она цвела
Узором на февральских окнах,
Писала вязью на полотнах
Заиндевшего стекла.

Она хрусталиками льда
Похрустывала в хрупких лужах,
В них, наспех застеклённых стужей,
Ещё вчера была вода...

Метель замаялась уже
Метаться в пляске ми минора...
В портал продрогшего собора
Вмерзали льдинки витражей.

Пурга кружилась в кураже.
В органных трубах выла вьюга.
То ли соната, то ли fuga
Вещала песней ворожей...

И вот,
войдя в ажиотаж,
Во двор, под арку, проскользнула,
Но не умолкла, не уснула,
А поднялась на мой этаж...

И затаилась в тишине,
И в скрипе половиц в прихожей,
И, кажется, была похожей
На дрожь — ознобом по спине...

Озябших клавиш белизна
И пальцев нервное касанье
Не нарушали допоздна
Её прихода ожиданье.

...И звук, рождаясь, замирал,
Хоть тишины и не боится,
Как в дом влетающая птица,
В холодной комнате дрожал,

И в разлинеенных листах,
Томящихся в плену дремоты,
Где птицами на проводах,
Ещё не сыгранные ноты...

Моей звезде

Умолял я:
— Только свети!
И кому быть, как не Тебе,
И внезапной вспышкой в судьбе,
И Звездой путеводной в пути...
Отвечала:

— Сил больше нет,
Как у лампочки в тридцать ватт...
Но твоей я способности рад —
Излучать и тепло, и свет...

.....

И вольфрама, и жизни нить,
Что им стоит перегореть?!
Но хотелось бы долюбить,
Да и песню ещё допеть...

Но...
Темнеет к исходу дня,
Я же всё прошу:
— Дажь мне днесь.
Если света нет у Тебя,
У кого же тогда он есть?

* * *

Полуодин ополоумел —
Ждать, чувствовать, желать тебя,
Твой шёпот различая в шуме,
Лист календарный теребя...
Всё ждать:

вот-вот откроешь двери, —
Через порог и напрямик...
Ты — вечная моя потеря
И обретение на миг.

ИРИНА АНАЩЕНКОВА

Провинция

Провинция — не лица, а прицел.
Всем всё равно, но каждому есть дело.
Узнать, из-за чего ты поседела,
Чтоб облегчённо выдохнуть: «Я цел!»
Провинция — не точка, а предел.
Здесь распинают скучно, но умело.
И добивают скомканное тело,
Чтоб над могилой всхлипнуть: «Не хотел!»

Чужие люди не хотят договориться о разлуке

Сирень «обуглилась». Каштан
Налился соком, врозь иголки.
Цветёт боярышник. Бурьян
Стеной поднялся. На задворки
Своей души пришла, смотрю,
И не могу понять, как вышло,
Что почему-то там храню
Любовь и нежность. Еле слышно
Пищат птенцы. Ленивый зной,
Полуденный, тягуче-тяжкий...
Чтоб быть собой, всегда другой
Потребен человеку. Чашки
Переставляю на столе
И достаю льняную скатерть...
Мой дом напоминает мне
Забывтой Богом церкви паперть,
Где, опустив устало взгляд
И уронив в бессилье руки,
Чужие люди не хотят
Договориться о разлуке.

В рост человека лопухи

В рост человека лопухи.
Плыву сквозь запахи и звуки.
Сирень роняет лепестки.
Мне хочется раскинуть руки...
Стать этим небом и землёй,
Янтарно-тёплой сосною,
На пне разнеженной змеёй,
Пьяняще пахнущей смолою,
Стрижом, ломающим полёт,

Дождём, упавшим, как портьера,
Щенком, несущимся вперёд...
Я каждой клеточкою тела
Готова раствориться в том,
Что кто-то назовёт природой...
Равняющей добро со злом.
...А кто-то Богом и свободой.

АЛЛА БАРЛИНОВА

В прибалтийских тонах

В. Е.

Звук тишины неуловим,
Ещё не высветились тени,
Ажуры лестниц и ступени,
Кусты калины на крови.
Ещё не выкрашена даль,
За каждым шорохом — безмерность
И бесконечная предельность.
Пока — постель и пастораль.
Давно отцвёл болиголов.
Дом пуст: в нём холодно и сыро...
Всё так на грани в этом мире.
Как мало чувства, много слов.

Там свет

В одиночестве моём тихо,
Словно песня о судьбе смолкла,
Отзвенела только что с криком
Белых птиц, летящих мне в окна.
Ты — в Крыму, а здесь такой холод...
И черёмухой апрель выюжит,
И в подругах не весна ходит.
До свечи горящей мир сужен.
Подаёт огонь тебе знаки.
Правда вся — в разлуке, — мне скажет,
Отучает от меня страхи,
Боль горячую — до мук нашу.
— Плакать заново учусь, видишь,
У свечи сидеть с тобой долго.
Не молчи, отец...
А мне свыше:
— Нет, родная, это я с Б-ом...

ГЕННАДИЙ МИХЛИН

Бывший хутор

Пустынный сад застыл, забытый богом,
ни говора, ни смеха детворы.
Поникший дом с заросшим огородом
отвык уже от радостной поры.

Забор устал, калитка отвалилась,
чернеет глубиью битое окно...
«Как покидали дом судьбе на милость,
хоть в памяти недавно, но давно, —

сказал мне друг. — Малец я был в те годы.
(Мы в «Пуб-е» пьём с ним пиво иногда.)
Я помню лес, колодец, сад, восходы
и помню, как вкусна была вода...

Скидал отец пожитки на подводу,
слезу смахнул, утёрся рукавом,
стояла мать в печали всенародной —
не поднялась рука спалить свой дом.

Корову — за рога, прочь от порога,
Надрывным скрипом пело колесо.
Все поплелись. Кто с богом, кто без бога
в путь на закат, за поле и лесок...»

.....
Тут я припомнил сад, забытый богом.
Не тот ли хутор и не тот ли огород?
Не та ли тихая карельская природа,
что потеряла мирный свой народ?

Узнать бы точно, кабы, эх, да кабы!
Что видел, не идёт из головы:
там яблони,
беременные яблоками,
рожали средь некошеной травы.

Воскресное утро

Прозрачно лето по утрам,
грядёт воскресный день.
Как будто тише птичий гам
и спит листва везде.

Пригорок, кирха, хуторок —
неброская краса,
и шпиль, как острый коготок,
вцепился в небеса.
И, дополняя антураж,
рекою без борьбы
поделен надвое пейзаж
как бы на две судьбы.
Нежны цветущие поля,
и много раз подряд
далёкие колокола
задумчиво звонят.

ИЛАНА ЭССЕ

Шиповник

*Три саженца — кедра, сосны и кипари,
а срослись во единый ствол. Из него и был
изготовлен крест Господа.*

(Предание)

Пасхальный снег. Последняя причуда,
прощальный жест печальной белизны.
Из всех двенадцати Апрель-иуда
был ближе всех к распятию Весны.
Три долгих дня и три коротких ночи
шёл белый снег набухшею весной.
...И лишь шиповник красным кровоточил
под кедро-кипарисовой сосной.

Калиф

Ну что, мой город, спишь среди огней...
Ночная радуга тебя не растревожит.
Напрасно величавый Водолей
фонтаном звёзд твою обрызгал кожу.
Луна-безбожница, бок круглый оголив,
смущая небеса, желает сниться.
И ты, как тот стареющий калиф,
во сне клянёшь небесную блудницу.
Она, бессонная, бледнеет, но поёт —
всё восхваляет улицы-ущелья.
...И звёздных пчёл так вязок чёрный мёд,
что лишь к утру вернусь я за прощеньем.

ТАТЬЯНА РУСКУЛЕ

* * *

Иду по улицам расхлёстанных дождей,
О, одиночество моё, тобой гонима,
Смиренная бреду в толпе людей
Спешащих мне навстречу... только мимо.
Своих промокших мыслей мне не жаль,
Но душу жаль, там ангел тихо плачет...
И зябко кутаясь в дождливую печаль,
Я одиночество своё от мира прячу.

СВЕТЛАНА СЕМЁНОВА

Где музыка живёт?!

Юным музыкантам

Где музыка живёт?
Скажите! И откуда
она свой начинает
стремительный полёт?
Ведь нет внутри рояля
ни фуги, ни этюда,
а нот — всего лишь семь...
Их — семь, наперечёт!

Где музыка живёт?
И мне открыли тайну!
Живёт она — в капели
и в трели соловья!
Пуглива и скромна
она необычайно,
но ты её найдёшь
и в шорохе дождя!

Где музыка живёт?
Она слетает с неба!
К тебе она плывёт
по солнечным волнам.
Ищи её всегда,
как ищешь ломоть хлеба, —
она тебя поднимет
на крыльях к облакам!